

К. Граф

МИСТЕР
НЕВЫНОСИМОСТЬ
III
БЕЗДНА В НАС

18+

К. Граф
Мистер Невыносимость
2 – Бездна в нас
Серия «Любовь не
без преград», книга 6

*<https://litres.ru/72206044>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Берлин встречает Лину не только новой работой, но и старыми ранами. Пять лет назад её первая любовь, Лоурен Гроссмайер, предал её, женившись на другой. Она пытается построить новые отношения и убедить себя, что прошлое осталось позади. Но воспоминания, от которых она так долго бежала, оживают с новой силой, когда он вновь появляется в её жизни: настойчивый, окутанный тайнами, решивший во что бы то ни стало заслужить прощение. В этот раз Лоурен не намерен отпускать любовь, а Лина не готова его простить. И всё же бороться с мучительным притяжением становится всё труднее. Облака сгущаются, и бури не миновать.

Содержание

Внимание!	4
Примечание	5
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Мистер Невыносимость

2 – Бездна в нас

Внимание!

Настоящий текст романа адаптирован в соответствии с требованиями платформы.

Он отражает авторское художественное видение и не является пропагандой каких-либо взглядов или установок.

Главы, которые были переделаны под действующие правила, в оригинале (если хочется погорячее) с полным спектром эмоций можно прочитать или скачать в Telegram-канале — ссылка находится в конце книги в **Послесловии** и в закрепе группы ВКонтакте — **Автор К. Граф/ Любовные романы 18+**

Спасибо, что выбрали мою историю! Буду рада видеть вас и в первоизданном мире героев!

Примечание

Книга содержит сцены психологического давления и сложных моральных выборов.

Все персонажи и события являются вымышленными, любые совпадения с реальными людьми — случайны.

Глава 1

Любовь, предательство, ненависть: а дальше...

— А ну, стоять, кому сказала! — раздался за моей спиной громкий, строгий голос. Всё-таки попалась... Я нехотя замедлила шаг и обречённо опустила голову. Несколько месяцев я успешно избегала встреч с моей бывшей научной руководительницей, госпожой Зоммер. И вот надо же мне было заявиться в университет именно сегодня?! Но мне срочно нужна была книга по хирургии из библиотеки, и только сегодня у меня наконец выдался редкий выходной, чтобы её забрать.

С тех пор как я переехала в Австрию, прошло уже пять лет, а в жизни почти ничего не изменилось. Будто застряла во временной петле. День за днём — учёба и работа, как одержимая, лишь бы не думать. Первое время было очень сложно. Я постоянно рыдала в подушку по ночам и не могла заставить себя прекратить страдать. Умом я понимала, что нельзя истязать себя вечно, но чувства логике не поддавались. Мне просто было невыносимо плохо.

Спустя месяц после моего переезда в прессе объявили о

помолвке Лоурена. Новость вызвала немалый ажиотаж — и не только в Германии. Я изо всех сил старалась затыкать уши, чтобы не слышать репортажей по телевизору и не видеть его лицо на обложках популярных журналов, которыми пестрели киоски и книжные магазины. От этого становилось по-настоящему плохо. Каждый раз, когда взгляд случайно цеплялся за знакомые черты, меня отбрасывало назад в прошлое, в те невыносимые дни, когда мы расстались.

До начала нового семестра в медицинском университете Вены я почти не выходила из комнаты. Просто заперлась и спряталась от мира — как будто могла спрятаться и от себя.

Сестра молча наблюдала за моим затворничеством. После всего, что произошло, нам стало тяжело общаться. Раньше я могла поговорить с ней обо всём, но как только она узнала о моём романе с Лоуреном, между нами как будто выросла стена. Во время моей болезни лёд немного растаял, но, как только я оправилась, мы снова отдалились. Может, это моя вина. Я даже не пыталась обсудить с ней то, что случилось. Мне было слишком трудно говорить о разрушенных отношениях с Лоуреном.

Чувство вины перед Кариной не покидало меня. Я ощущала, как будто предала её, выбрав Лоурена, и этот выбор в итоге разрушил и мою жизнь и отношения с самым близким человеком. Пусть Карина ничего не говорила, но в глубине души я знала — она презирает меня. Ведь я была любовницей её лучшего друга. Мне стоило хотя бы попытаться

исправить всё, но как будто кто-то наступил мне на горло. Вся боль, скорбь и обида застряли так глубоко внутри, что преодолеть свою слабость мне было не под силу. Я заперлась в своей раковине, избегая как своей, так и чужой боли. Иногда, в конце дня, я садилась и задавалась вопросом, реально ли то, что со мной происходит. Дни и ночи сливались в одно бесцветное, бесформенное пятно, заполняющее меня целиком.

Но, как говорится, нет худа без добра. В своей профессии я нашла забвение, которое лечит. Бесконечная работа и учёба приносили облегчение и постепенно стирали мрачные мысли. Я отдала всю себя медицине и была лучшей студенткой на факультете, но это не помогло мне завести новых друзей. Я как была одиночкой, так и осталась. За исключением пары знакомых, которые даже ни разу не позвали меня на наши групповые сабантуи, я общалась лишь с преподавателями — и то только в рамках учёбы. Радовало хотя бы то, что, когда начался мой первый семестр в новом университете, слухи обо мне и Лоурене почти стихли. По крайней мере, ко мне никто не подходил с дурацкими вопросами и никто не косился на меня с осуждением.

Но избавиться от паранойи было трудно. Мне всё время мерещилось, что вот-вот кто-нибудь выскочит из-за угла, назовёт меня проституткой и закидает гнилыми помидорами или даже пожелает смерти. Я ничего не могла с собой поделать: вечно шарахалась от каждого резкого движения и съё-

живалась от громких голосов рядом. Ходила, уткнувшись взглядом в пол. Но со временем стало легче, а потом фобия совсем отступила. Только вот мои странности и заскоки так и остались непонятыми. Я стала изгоем, и лишь Аннета не забыла меня и не бросила. Она регулярно звонила, спрашивала, как дела, помогала советами и поддерживала, несмотря на собственные трудности. Один раз она приехала ко мне в гости — это было как глоток свежего воздуха в моей затхлой вселенной. Но потом Аннета неожиданно забеременела и вышла замуж за Пауля. Приехать ко мне больше не получалось, а я за все пять лет так и не набралась мужества съездить в Берлин хотя бы на одну жалкую неделю.

Я ненавидела свою слабость, ведь Аннета тоже нуждалась в поддержке, а я всё время играла роль жертвы. Ей пришлось несладко из-за предвзятого отношения окружающих и дуррацких сплетен завистников. Её осуждали, высмеивали, говорили, что из неё никогда ничего путёвого не выйдет. Но моя подруга была гораздо сильнее меня. Несмотря на то, что она была вынуждена бросить университет из-за ребёнка, она не сдалась. Я постоянно следила за её успехами по видеосвязи в Скайпе и не могла не восхищаться тем, как, вопреки всему, она становилась прекрасной мамой и женой. Материнство не раздавило её — наоборот, оно сделало её ещё более энергичной, собранной и целеустремлённой. Каким-то чудом моя подруга умудрялась совмещать заочное обучение и семью. Маленький Кевин был точной копией Аннеты и по-

стоянно улыбался через камеру, протягивая ко мне свои маленькие ручки. А пару месяцев назад она родила второго ребёнка — девочку Кати. Мне так хотелось хоть раз подержать их на руках, но страх столкнуться с прошлым был сильнее, несмотря на то, что Лоурена давно не было в Берлине. После свадьбы он с женой переехал в Соединённые Штаты, и это последнее, что я о нём слышала.

Аннета регулярно читала всякие статьи о знаменитостях. Пару раз она упомянула, что Лоурен стал активно заниматься делами компании своего отца и приобрёл ещё больше влияния и известности. Это не удивляло. Вполне ожидаемо от такой личности, как он.

Что касается Натана — он окончательно исчез из моей жизни. Всё произошло именно так, как я и предполагала. Расстояние развело нас, хотя я этого не хотела. Мы пару раз разговаривали по телефону в самом начале, но он уже тогда вёл себя странно — был холоден и немногословен. Я могла понять его чувства, как никто другой. Мы оба знаем, каково это быть отвергнутыми, но всё равно надеялась, что мы сможем остаться друзьями. Я причинила ему боль, но никак не могла отпустить. И всё же безумно ждала его звонков, потому что его голос рассеивал тьму вокруг.

С течением времени он стал звонить реже, а потом и вовсе перестал. Я вытерпела около трёх недель молчания и решилась сама набрать его номер. Моё сердце билось так сильно, что казалось, оно вот-вот разорвётся, но он не взял трубку

и больше не перезвонил. Переступив через свою гордость, я звонила ему каждый день на протяжении нескольких недель. Он продолжал меня игнорировать, а потом без всяких объяснений сменил номер. Я поняла, что больше ему не нужна. В тот момент во мне окончательно всё рухнуло. Я чувствовала себя отвратительной и всё больше убеждалась, что со мной что-то не так.

Прогнать мысли о Натане было не легче, чем о Лоурене. В какой-то момент я просто запечатала все эти чувства в самых отдалённых уголках души и избегала всего, что могло бы снова их пробудить. Я жила на уровне инстинктов. Мой организм знал: если я начну беречь старые раны, то просто не выдержу.

Так я и прожила все пять лет в своём тусклом, замкнутом мирке, куда не было доступа ни у кого, кроме меня. Но однажды я всё же попыталась что-то изменить — сблизилась с парнем с параллельного курса. Лучше бы я этого не делала. Уже на первом свидании стало ясно, что нам попросту не о чем говорить, кроме учёбы. Я проигнорировала нашу явную несовместимость — и мы переспали. Это была полная катастрофа. Я и раньше догадывалась, что в постели Лоурена трудно будет кому-то превзойти, но не ожидала, что моё тело просто откажется реагировать на прикосновения другого мужчины. Каково ему было держать в объятиях фригидное бревно, даже не знаю. Да я и не спрашивала. На той единственной неудачной ночи всё и закончилось. Мы

продолжали здороваться при встречах в университете, но не больше. Для себя я вычеркнула этот эпизод, как кошмарный сон, словно его никогда не было.

Около полугода назад я досрочно и на отлично сдала заключительный экзамен *Approbation*[1] и получила лицензию врача-ассистента. Меня сразу приняли на работу в отделение скорой помощи, где хронически не хватало рук, а сверхурочные были чем-то само собой разумеющимся. Я впахивала день и ночь. Вся моя жизнь свелась к спасению и лечению пациентов — на себя времени не оставалось вовсе, тем более на посторонние мысли. Я практически жила на работе. Даже дома перестала появляться. Так продолжается по сей день.

Впрочем, квартиру сестры и Петера я за все пять лет так и не приняла как настоящий дом. Я чувствовала себя там лишней — пятым колесом в телеге. Недавно наконец решила съехать и снять собственное жильё. Оставалось только найти время на поиски подходящей квартиры и организацию переезда, а с моей занятостью это огромная проблема.

— Ну и долго ты ещё собираешься от меня скрываться? — спросила госпожа Зоммер, недовольно уперев руки в бока. — Не стыдно тебе, что за тобой человек в возрасте гоняется?

Я вздохнула с досадой и повернулась к ней. Как преподаватель и куратор она была просто превосходна, но её заунывные моральные проповеди выводили меня из себя.

— Простите. Мне было некогда к вам зайти.

Госпожа Зоммер загоготала с видом вселенского ясновид-

ца.

— Ага! Нашла, кому лапшу на уши вешать! Думаешь, я не знаю, почему ты каждый раз смываешься, как только я появляюсь на горизонте? Быстро ноги в руки и ко мне в кабинет! Без возражений!

С нахмуренным видом моя научная руководительница гордо промаршировала мимо. Она даже не обернулась — знала, что я смирюсь с неизбежной участью, раз уж попалась ей в лапы.

Когда я затворила за собой дверь, госпожа Зоммер уже сидела за столом. Улыбаясь себе под нос своей хитрой улыбочкой, она указала раскрытой ладонью на свободный стул напротив.

Я уныло присела.

— Ну и? Я по-прежнему хочу знать, какие у тебя планы на будущее. Уже полгода прошло. Ты же не собираешься вечно торчать в неотложке? Тебе пора двигаться дальше и подыскивать место для ординатуры. Ты зарываешь свой талант!

— Меня пока всё устраивает, — отрезала я.

— Если тебе так нравится в отделении скорой помощи — вперёд! Найди клинику, где есть хороший научный руководитель по реаниматологии, набери обязательное количество часов и сдай экзамен. Не теряй время зря! Оно не бесконечное! До полноценной самостоятельной практики тебе ещё минимум пять лет пахать!

— Я знаю, — буркнула я недовольно. Эта тема раздража-

ла. Карина тоже налегала с этим, но я просто ещё не была готова. — Дайте мне немного времени на раздумья. Я пока не решила, каким врачом хочу стать. Поэтому нет смысла пока писать резюме на дальнейшее обучение.

— Ты это и через год, и через пять, и через десять лет не решишь. Именно поэтому я уже всё устроила.

Меня будто обухом по голове ударили. Глаза округлились от неожиданного заявления.

— Что вы сделали? — переспросила я, всё ещё не веря, что госпожа Зоммер осмелилась вмешаться в такое личное дело.

— Ты всё правильно услышала. Я нашла для тебя место, где ты будешь проходить ординатуру. Главврач детского отделения больницы «Шарите» в Берлине с радостью согласился курировать тебя до самого экзамена. Он мой хороший друг и очень компетентный наставник. У него ты сможешь многому научиться. Если захочешь — получишь и вторую квалификацию, он поможет. А ещё, я бы на твоём месте подумала о докторской. Ты вполне способна справиться с этой задачей.

Я подскочила с места, как ошпаренная. Из всей тирады я уловила только одно слово — Берлин. Оно обожгло так сильно, что стало трудно дышать.

— Ни за что! — заорала я, выходя из себя. Схватила сумку и направилась к двери.

— Как долго ты собираешься отрицать своё прошлое? Не

думаешь, что уже пора с этим покончить и начать жить нормальной, полноценной жизнью? Думаешь, все молчат, потому что ничего не замечают? Но у меня, в отличие от Карины, хватит смелости сказать тебе всё в лицо. Извини, конечно, но в почти двадцать пять лет — это полное ребячество! От твоего поведения страдаешь не только ты, но и Карина. Разуй глаза, наконец! Сколько можно купаться в своих страхах и страданиях?!

Я остановилась, уставившись в скучную, выкрашенную в белый цвет дверь. Боль, которую я так старательно вытесняла, снова подступила к горлу, разламывая меня изнутри. Я знала, что госпожа Зоммер права. Сколько ещё я собираюсь убежать от самой себя? Только вот где взять силы, чтобы наконец сделать шаг вперёд, я не знала.

— Вы обсуждали это с Кариной? Когда?

— Мы давние подруги, если ты забыла. Естественно, она делится со мной своими переживаниями. Карина постоянно говорит о тебе и вздыхает. Я эти причитания уже слушать не могу! Пока ты ещё жила в Берлине, она мне все уши прожужжала про тебя и Гроссмайера. Не думай, что она не рассказала мне о том, что произошло между вами. Просто я не вмешивалась. В конце концов, это не моё дело. Но даже я больше не в силах спокойно наблюдать, как ты гроишь своё будущее из-за того, что давно осталось в прошлом. А Карина тебе потакает и сама из-за этого страдает. Жизнь не стоит на месте! Пора двигаться дальше — и тебе, и ей. Подумай

над тем, что я сказала, и дай мне ответ как можно скорее. Ты можешь начать уже со следующего месяца. У меня в Берлине есть однокомнатная квартира в десяти минутах ходьбы от клиники. Для тебя бесплатно. Сейчас она всё равно пустует. Теперь свободна. Я рассчитываю на твоё благоразумие, — закончила госпожа Зоммер хладнокровно и, как ни в чём не бывало, вернулась к бумагам на своём столе.

Я тихонько вышла, вяло пробормотав прощальные слова. Госпожа Зоммер застала меня врасплох. Так жёстко и беспардонно меня ещё никто не отчитывал. Может, я со временем просто стала слишком изнеженной, поэтому сейчас так обидно и неприятно внутри. А может, она действительно перегнула палку. Но факт остаётся фактом: меня беспощадно поставили перед выбором. И этот выбор был мучительно трудным.

Знала ли она, насколько жестоко со мной обошлась? Ведь если я откажусь от её предложения и продолжу жить, как раньше, однажды я возненавижу себя за трусость. Но и согласиться не легче — подписаться под приговором: пять лет в городе, где всё пропитано воспоминаниями о Лоурене, и делать вид, что всё в порядке. Это же чистой воды самообман.

И вообще, с чего она решила, что мне место в педиатрии? Какой из меня детский врач? Допустим, определённая логика в этом есть: когда я проходила практику в детском отделении, малыши буквально липли ко мне, хотя я с ними не

сюсюкалась. С моей вечно мрачной миной я должна была их скорее отпугивать, но происходило всё наоборот. Не знаю, что именно их во мне притягивало. Но, признаю, приятно, когда дети тянутся к тебе. Мне действительно нравятся маленькие пациенты. Они открытые, искренне выражают симпатию и не стесняются говорить то, что думают. С взрослыми гораздо сложнее. Я до сих пор не научилась их читать. Но в моральном плане работать с детьми гораздо сложнее. Есть случаи, когда не удаётся спасти... И тогда приходится смотреть в глаза убитым горем родителям. Это невыносимо.

Моя самая первая практика проходила в общей хирургии. Тогда я очень быстро спустилась с небес на землю и поняла: врачи не боги, и не каждую болезнь, не каждую травму можно вылечить. Порой мы бываем абсолютно беспомощны, несмотря на знания, опыт и усилия. Но особенно тяжело было принимать эту беспомощность в детском отделении. Я много плакала... Очень много. Каждый раз, когда теряла пациента, даже если он был мне совершенно чужим. Любое горе сотрясало мою душу, но я никогда не стыдилась этих слёз. Этот опыт помогал мне расти, становиться лучше, поднимал на следующую ступень в профессии. Ни разу я не пожалела, что выбрала именно этот путь. Несмотря на трудности, в этой работе есть очень многое, ради чего стоит продолжать: удачные операции, выписки, благодарные слова, счастливые лица. Я вспоминала, как скучала по родителям после аварии. Как осознавала, что больше никогда их не увижу.

Даже будучи взрослой, я всё ещё чувствую пустоту. Иногда я пытаюсь себе представить, как бы они выглядели сейчас, о чём бы мы разговаривали при встрече, как бы они отнеслись к тому, что я стала врачом. Наверняка они гордились бы мной не меньше, чем Кариной. Но, может, они и расстроились бы, увидев, в кого я превратилась морально. Ведь я всё время сомневаюсь. А если я вернусь в Берлин? Смогу ли вообще стать хорошим педиатром? Справлюсь ли с огромной ответственностью? А если нет? Если разочаруюсь и разочарую других?..

Я снова ходила по кругу, как пони на манеже, терзаясь вопросами, что правильно, а что нет. И совсем не знала, что с этим делать.

Моя нерешительность с каждым годом злила меня всё больше. Когда я была подростком, мне казалось, что точно знаю, чего хочу, и шла к цели без страха. Меня не пугали трудности. Как я умудрилась потерять это качество? Но я найду его снова. Обязательно. Где-то должен быть предел всем этим метаниям. И, кажется, я к нему почти подошла.

[1] Approbation — государственный экзамен, который сдают будущие врачи в Германии после примерно шести–семи лет обучения. Последний год посвящён в основном практике в больницах. При успешной сдаче экзамена выпускник получает право работать врачом-ассистентом (Assistenzarzt) — под наблюдением опытных специалистов, но уже в стату-

се полноценного врача. На этом этапе ещё нельзя открыть собственную практику. Далее следует этап специализации: врач работает в выбранной области (например, хирургия, гинекология, педиатрия) под руководством наставников в течение 5–6 лет, по завершении которого сдаёт экзамен на звание Facharzt— врача-специалиста. Этот этап примерно соответствует клинической ординатуре в России. Также врачи могут параллельно писать докторскую диссертацию. Только защитив её, они получают право на титул Dr. — например, Herr Dr. Müller, Facharzt für Kinderchirurgie (господин доктор Мюллер, врач-специалист по детской хирургии).

Глава 2

Взяв нужную книгу в библиотеке, я немного посидела в маленьком кафе возле университета. Попытки сосредоточиться на содержании оказались бесполезны. Окончательно сдавшись спасти этот день, я отправилась домой. Надо было хоть раз нормально выспаться. Чёрт-те как составленный график окончательно расшатал мою и без того измученную нервную систему. Не то чтобы я верила, что здоровый сон решит все мои дилеммы, но на свежую голову думалось всё же легче.

Было около двух дня, когда я переступила порог квартиры Карины и Петера. В такое время они обычно работали, но в этот раз я с удивлением обнаружила туфли сестры в прихожей. В квартире пахло едой. Это было непривычно. Карина редко готовила, а я это дело почти совсем забросила. У меня не было времени, да и желания тоже. Готовка неизбежно напоминала мне о Лоурене.

Я заглянула на кухню. Сестра стояла ко мне спиной и старательно шинковала овощи на разделочной доске.

— Привет, — сказала я, оставаясь стоять в дверном проёме. Я не собиралась помогать или задерживаться для беседы. — Сегодня что, какой-то особенный день? По какому поводу кулинарные изыски?

Очевидно, её задел мой надменный тон. Она обернулась

и ответила недовольно:

— А что, чтобы сварить еду, теперь нужен особенный повод?

— Да нет, — пожала я плечами. — Просто ты и домой пораньше пришла. Вот и подумала, может, я забыла о каком-нибудь важном событии.

Наступила пауза. Карина замялась и нервно вытерла пот со лба тыльной стороной ладони. На улице стояла жара. Было начало августа. Я почти перестала замечать погоду. В клинике всё было климатизировано. Все вокруг жаловались на нестерпимую духоту, но я так редко бывала на улице или дома, что жаркое лето не доставляло мне особого дискомфорта.

— Ты уже поговорила с Беттиной о продолжении учёбы? — выдала она наконец.

Глупо было надеяться, что госпожа Зоммер стала бы читать мне нравоучения, не посоветовавшись предварительно с моей сестрой. Всё-таки они подруги. По крайней мере, теперь понятно, почему Карина вдруг принялась за варку, хотя терпеть её не могла. Похоже, она просто искала повод для разговора. Могла бы не утруждаться и просто спросить прямо, но она так не умеет.

Я вздохнула и ответила спокойно:

— Да. Хочешь что-то добавить?

— Может, присядешь?

Умоляющий взгляд Карины всё-таки сдвинул меня с ме-

ста. Я прошла на кухню и села за обеденный стол.

— Что ты думаешь насчёт переезда обратно в Берлин?

— Решили с Петером спихнуть меня с шеи? Надоела, да? Так бы и сказали. Я всё равно собиралась съехать.

— Не говори так! — отрезала сестра, глядя на меня с укором. — Я просто беспокоюсь за твоё будущее.

— Как всегда, — пробурчала я, раздражаясь. — Я уже не маленькая. Прекрати меня опекать. Лучше думай о Петере. Тебе уже тридцать пять. Рожать пора.

Карина вздрогнула. Её лицо внезапно стало таким грустным и потухшим, что у меня внутри что-то дрогнуло. Я совсем перестала её замечать: не интересовалась переживаниями, не видела боли. Она вырастила меня эгоисткой, отгораживая от всех забот.

— Пока я не буду уверена, что у тебя всё будет хорошо, я не заведу ребёнка. Я пообещала себе, что сначала поставлю тебя на ноги, а уже потом дострою своё счастье.

— Что за бред сивой кобылы ты несёшь! — вспыхнула я, резко вставая со стула. Впервые за пять лет мы затронули подобные темы. А ведь накопилось немало. Возможно, поэтому мы и избегали подобных разговоров. Мы обе понимали, к чему это приведёт. — Я самостоятельная девушка! У меня стабильная работа, я крепко стою на ногах. И независимо от того, продолжу ли учёбу или нет, я не останусь без заработка. Я умею заботиться о себе и уже давно!

— Ты твердишь это с восемнадцати лет, а в итоге? Подда-

лась соблазну, стала любовницей мужчины, который старше тебя на пятнадцать лет, вляпалась в неприятности, попала в больницу и едва не умерла! Это, по-твоему, забота о себе?! — выкрикнула Карина с возмущением.

«И вот опять двадцать пять...» — устало подумала я. Не одна я до сих пор воюю с прошлым. Карина, похоже, тоже.

— И что теперь? Поедешь со мной в Берлин, если я соглашусь на предложение госпожи Зоммер, и будешь мне попку подтирать? — огрызнулась я. Моё раздражение нарастало.

— Я вообще не хочу, чтобы ты туда ехала, — резко ответила Карина. — Здесь тоже полно достойных мест. Можно устроиться и не хуже. Мы с Беттиной на этот счёт не сошлись.

Я не ожидала такого ответа, и между нами повисло молчание. Карина снова отвернулась от меня и взялась за нож, продолжая сражаться с недорезанной паприкой. Тут до меня и дошёл хитрый план госпожи Зоммер. Со стороны она видела ситуацию куда яснее, чем мы с Кариной. Это было даже немножко печально. В который раз я почувствовала себя тяжёлым камнем на шее у сестры. В детстве она лишилась свободы из-за меня, и теперь тоже не может дышать свободно. Я словно хожу за ней тенью, всё ещё напоминая о долге, который она давно перевыполнила — и перед родителями, и передо мной.

Сколько бы я ни твердила, что взрослая и нянчиться со мной не нужно, для Карины это пустой звук. Как и многие

родители, она просто не хочет признать, что её "ребёнок" вырос и теперь сам принимает решения. Все мои ошибки она продолжает считать своими. Любые мои несчастья — это её несчастья.

Я провела ладонью по лицу. Плохая из меня сестра. Очень плохая. Даже жестокая. Я обращалась с Кариной безжалостно, и наверняка это видела не только госпожа Зоммер, но и Петер. Но он ни разу не сказал мне ни одного плохого слова. Дурак добродушный! Любой другой на его месте давно бы вышвырнул меня за дверь. Но он любил мою сестру по-настоящему, поэтому терпел молча. Однако даже у самого ангельского терпения есть предел.

Думаю, дальновидная госпожа Зоммер поняла это раньше меня. Её заботила не столько моя карьера врача, сколько судьба подруги. Пока я рядом, у Карины нет шанса на спокойную, счастливую жизнь. Однажды она уже пыталась отделиться, оставив меня на Лоурена, но всё закончилось плачевно. А теперь ей страшно. Карина боится, что, если я останусь одна, то это закончится очередной катастрофой.

Теперь я точно знала, как мне поступить дальше. Что-то во мне щёлкнуло, словно включился давно забытый механизм. Поднялась со дна решимость, которую я похоронила много лет назад. Это и есть мой предел.

Карина словно почувствовала изменившуюся атмосферу, неловко повела рукой и нечаянно порезала палец остриём кухонного ножа. Металл со звоном покатился по плитке на

полу. Всё случилось за секунду. Я мигом кинулась к ней, схватила руку, открыла кран и подставила порез под холодную воду. Она тихо заскулила и закусила губу.

— Я приму предложение госпожи Зоммер и поеду в Берлин, — спокойно сказала я, не глядя на неё.

— Это ты только сейчас придумала назло мне? Почему? — сорвалась она на крик и резко отняла руку. Её волосы на чёлке совсем промокли от пота и беспорядочно торчали в разные стороны. Карина всегда казалась мне такой сильной и уверенной девушкой, но теперь я увидела её совсем в другом свете: маленькая и надломленная, уставшая, поникшая и измученная.

Я молча достала пластырь из тумбочки, подошла и аккуратно заклеила рану. От волнения и негодования Карина часто дышала, но позволила мне заклеить порез.

— Нужно положить всему этому конец, — заявила я твёрдо и посмотрела ей в глаза. — Мы обе будем страдать, если продолжим в том же духе. Наберись мужества и отпусти меня. Всё будет хорошо. Я постараюсь и перешагну через прошлое, и тебя прошу сделать то же самое.

Карина оттолкнула меня и отвернулась.

— Ты как всегда такая смелая! И как у тебя получается? Не понимаю...никогда не понимала. А теперь ты просто говоришь, что вернёшься в Берлин! Ты ведь до сих пор любишь его...я же вижу! Мне бы очень хотелось помочь тебе забыть, но я не в силах изменить твои чувства — ни тогда, ни сей-

час. Всё, что мне остаётся — это наблюдать. Я наговорила тебе так много несправедливых слов и ни разу не попросила прощения. Я должна была быть рядом, поддержать, а не отворачиваться. Но я не справилась. Это не даёт мне покоя. И сейчас ты снова страдаешь в одиночку. Я уже не знаю, кто виноват больше я или Лоурен.

Я криво усмехнулась. Какая же она глупая. Но, несмотря на всё, на душе вдруг стало легче. Почему за эти пять дурацких лет мы так упрямо молчали, ходили каждая со своими мыслями и даже не попытались поговорить об этом? Я и представить себе не могла, что её гложет совесть.

Подойдя со спины, я обвила руки вокруг её талии и положила подбородок ей на плечо.

— Я больше его не люблю. И не страдаю, — тут немного приврала, но спокойствие Карины превыше всего, — тебе не в чем себя винить! Я никогда на тебя не злилась, — это была чистая правда.

— Нет, Лина, я виновата... — настаивала она. Карина развернулась ко мне и опустила глаза. В её лице отражалась горечь. — Я просто выместила на тебе всё то, что хранила в сердце. Знаешь, я никогда этого не говорила, но когда-то давно я тоже его любила. Узнав про вас, меня сорвало с катушек. Это смешно, потому что в тот момент, когда я прочитала о вашей интрижке в интернете, я уже давно избавилась от наивных чувств к нему. Не знаю, что на меня нашло. Может быть, ревность.

Я невольно уставилась на неё во все глаза. Её признание ошарашило и глубоко задело.

— Ты... любила его? Но почему тогда всегда отрицала это? Ведь он тоже когда-то тебя любил! — вырвалось у меня, прежде чем я успела себя остановить и тут же прикрыла рот ладонью. Раньше это была наша с Лоуреном тайна. Но теперь хранить её нет смысла. И всё равно я сболтнула лишнего.

— Это он тебе сказал? — спросила Карина с удивлением. Я утвердительно кивнула, и вдруг она рассмеялась как-то неестественно, почти истерично. — Вот же мерзавец! А он ещё более изворотлив, чем я думала! У меня никогда не было ни малейшего шанса. Он любил совсем другого человека. И в его сердце не было места ни для кого, только для той девушки. Наверное, поэтому меня так сильно ошеломила новость, что у него с тобой роман. Я до последнего не верила.

Что ещё за девушка? Кому, как не мне, знать, что в его жизни не было никого, кем бы он дорожил больше, чем Мариной. Может, он ей наврал или она что-то напутала.

— А как же тот момент, когда я вас застала? Он пригвоздил тебя к стене у нас дома. Он же тебя чуть не поцеловал!

Карина загоготала от души.

— Ну ты и фантазёрка! Он? Меня? Поцеловал? Такой близости между нами никогда не было. В тот момент я как раз просила его позаниматься с тобой. Он отказался, но я продолжала настаивать, и в итоге мы поругались. Он впервые так сильно вышел из себя. Не знаю, почему эта просьба

его так задела. Но в итоге он согласился. Лоурен никогда не мог мне ни в чём отказать. Я этим пользовалась не раз. Мне больше не на что было рассчитывать, кроме его привязанности. Иногда мне было настолько больно от этого, что я вела себя как полная эгоистка.

Я вполне могла понять чувства Карины. Мне тоже знакомо отчаяние, когда невозможно пробиться сквозь его стены. Когда он рядом, но в то же время где-то далеко. Когда он оказывает тебе всевозможные любезности, но не принадлежит тебе.

И всё же этот рассказ ещё больше спутал мои и без того спутанные мысли. Получается, Лоурен всё время ломал передо мной комедию, разыгрывал из себя влюблённого в Карину, использовал мои заблуждения... но на самом деле был влюблён в другую девушку? Да это же абсурд какой-то! Или он нас обеих обвёл вокруг пальца. Такое тоже не исключено. Но зачем ему было прикрываться передо мной любовью к моей сестре?

Если всё, что сказала Карина, действительно правда, существует лишь один вариант ответа — чтобы держать дистанцию. Таким образом он мешал мне развивать к нему романтические чувства. У меня уже возникала такая догадка в самом начале, но потом, когда мы начали встречаться, это всё потеряло значение, и я об этом забыла.

— Если честно, Лоурен редко рассказывал о личном. Я почти ничего не знаю о его семье, друзьях, да и жизни вооб-

ще. Это меня в нём тоже раздражало. Мы так тесно дружили, а он мне совсем не доверял.

Да уж. Его излюбленная скрытность и мне изрядно потрепала нервы. По сути, я тоже ничего о нём не знала. Может, оно и к лучшему. Не хочу искать ему оправдания после того, как он со мной поступил. Но семейство у Лоурена действительно ужасное. Неудивительно, что он держал Карину от них подальше.

— Ты сказала, что у Лоурена был любимый человек. Кто она?

Мне хотелось знать. Хотелось верить, что это недоразумение. Только вряд ли Карина могла надумать подобное. Осознание, что он скрывал от меня такую важную вещь, даже сейчас причиняло боль. Лоурен был мастером иллюзий. Даже теперь я не в состоянии распознать, где правда, а где ложь, что вообще в наших отношениях было настоящим. В этом весь Лоурен. Он как красивый мираж, который вечно ускользает у тебя из-под носа и расплывается на горизонте, стоит лишь протянуть руку.

— Я не была с ней знакома. Знаю только, что её звали Амелия. Он много говорил о ней. Потом у них, наверное, что-то не заладилось, Лоурен вёл себя ужасно, а после смерти наших родителей его вообще как подменили. Ты не помнишь, но были времена, когда Лоурен со всеми был мягким, добрым, отзывчивым и весёлым. Немного саркастичным и прямолинейным, но искренним и открытым.

Ага, как же! Он просто не выставлял напоказ вредного, ворчливого зануду, прочно поселившегося в нём с рождения. Но это правда... он мог быть добрым, мягким и весёлым. Очень! И эта его особенность в итоге заставила меня в него влюбиться. Даже маленький кусочек доброты Лоурена ощущался так, словно я редкая обладательница сокровища. От такой власти быстро теряешь голову, ведь он не разбирается своим расположением направо и налево.

— И куда она делась, эта Амелия? — фраза прозвучала немного небрежно.

Карина пожала плечами:

— Наверное, расстались. Я не знаю подробностей. Но он был очень влюблён. До неё и после неё он не произносил даже имён своих женщин, а у него их было немало. Папа с мамой знали об Амелии больше меня. В то время моя голова была забита учёбой, и его любовные дела мало меня занимали. И тут вдруг, как гром среди ясного неба, Лоурен замкнулся в себе и начал съёживаться от любого личного вопроса. Страшно было даже поднимать эту тему. В него будто злой дух вселился. Он стал мрачным, неуравновешенным, с жуткими перепадами настроения и, в довершение всего, ушёл в затяжной запой. Часто он заваливался к нам домой ночью или под утро, в стельку пьяный. Мама с папой никогда его не прогоняли. Они смотрели на него с сочувствием, пытались помочь и приободрить, но лучше ему не становилось. Лоурен был не просто разбит. Он был уничтожен. Честно го-

вора, я начала его бояться, но не всегда удавалось избежать столкновений. Он пытался быть дружелюбным, как раньше. Наверное, чувствовал мой страх. Зачем-то совал мне пачки денег и говорил, чтобы я купила себе что-нибудь, чего хочется. А потом ни с того ни с сего хватался за голову, начал рыдать и просить прощения.

На этом месте я вдруг вспомнила слёзы Лоурена, когда он плакал на дороге после помолвки Карины и Петера, а я его обнимала и утешала. Что если причина его слёз была вовсе не в Карине? Что, если за этим скрывалось нечто большее? Проклятье, Лоурен! Я действительно ничего... ничего о тебе не знаю! Какая же ты скрытная сволочь! Почему такие подробности всплывают спустя пять лет, когда ты далеко, как звезда на небе, и до тебя уже не дотянуться? Это не честно!

Между тем Карина продолжала свой рассказ. Её голос становился всё мрачнее:

— А потом, буквально через пару месяцев погибли наши родители. Думаю, это окончательно его добило, хотя при мне он этого не показывал. Я сама была на грани сорваться в пропасть. Если бы не ты и надежда, что ты выживешь... Кто знает, что бы со мной стало. В голове крутилась масса ужасных мыслей. Я не хотела жить. Лоурен по-своему переживал случившееся. Он окончательно мутировал в строгого, сдержанного сухаря. Только когда мы оставались вдвоём, он понемногу оттаивал и становился прежним. Но даже тогда он ни разу не поделился со мной своими чувствами.

Карина не понимала. Лоурен хотел выглядеть доблестным спасителем. Принц на белом коне лучше, чем конь в пальто. Карина всегда любила надёжных рыцарей с чистым сердцем. Вот только в Лоурене она ошиблась. В этом рыцаре не было ни доблести, ни сердца.

Я придвинулась к сестре и взяла её за руку. Ей пришлось столько вынести и выстрадать! Никогда не представляла себя на её месте — а зря.

— Если тяжело, не продолжай, — предложила я тихо.

Карина будто забыла, где находится, и погрузилась в прошлое. Оно целиком захватило её.

— Нет. Нужно наконец высказаться до конца. Я и так слишком долго молчала.

Я кивнула и больше её не останавливала. Мы обе заслуживаем освобождения. Мой путь к этому только начинается, а Карина, может быть, уже сейчас отпустит своё чувство вины. И я знала, что скажу ей потом.

— Лоурен полностью организовал похороны наших родителей. Бабушка с дедушкой — со стороны отца — и тётя просто отвернулись от нас, когда узнали про папины долги. Когда я чуть ли не на коленях умоляла их о помощи, они перестали отвечать на звонки. Представляешь? — Карина горько усмехнулась и покачала головой. — А про маминых родителей даже вспоминать не хочется. Её родня — настоящие религиозные фанатики. Когда она вышла замуж за папу, то порвала с ними все связи. Вот почему мы с тобой их ни разу не

видели. Они даже не пришли на мамины похороны. Сказали, что она им больше не дочь. — Я опустила взгляд. Карина никогда не рассказывала про наших родственников, как будто их не существовало. А я не спрашивала, не хотела беречь её раны. Как-то раз, когда меня уже выписали из больницы, я подслушала разговор Лоурена и сестры. Она сильно плакала, описывая в деталях равнодушные бабушки, дедушки и тётки. Я возненавидела их всем сердцем, хотя и раньше не испытывала к ним привязанности. Бабушку и дедушку я почти не помню, да и тётку тоже. Папа редко с ними общался. На это была причина... — Я до сих пор не понимаю, как так можно. Это не укладывается у меня в голове. Ладно, папа тоже был не святой. Он со всеми перессорился из-за своей гордыни, выставлял напоказ нашу роскошную жизнь, вечно хвастался и задира л нос. Но мы-то здесь при чём? Мы не виноваты, что он себя так вёл. А они просто бросили нас! Бросили в самый уязвимый момент! Хладнокровно! Кто они после этого?!

Карина всхлипнула. Я не выдержала — обняла её. Мне тоже было больно. Нам и правда досталось. Но мы это пережили. Это просто воспоминания. Болезненные, да, но всего лишь воспоминания.

Когда Карина немного успокоилась, она продолжила:

— Первые месяцы были как кошмар наяву. Я обзванивала кредиторов, искала жильё и работу. Лоурен тоже вкалывал без выходных и проходных. Потом приезжал ко мне, помогал с делами, которые я не могла решить сама. Он был везде,

но пить, к сожалению, не бросил. От него всё время разило алкоголем, а потом он ещё стал пахнуть женскими духами. Всегда разными. Беспорядочные связи стали для него нормой. Я пыталась поговорить с ним, но он и слушать не хотел.

Как только дела с похоронами и долгами отца более-менее улеглись, тебе стало резко хуже. Врачи сказали, что больше ничего не могут сделать. Я начала искать другие клиники, отправляла туда выписки, заключения и твои анализы. В одной больнице во время консультации мне дали крошечную надежду. В Америке был хирург, который проводил экспериментальные операции на лёгких. Сказали, он, возможно, согласился бы тебя прооперировать. Единственный, к кому я могла обратиться за помощью, — это Лоурен. И, конечно, он мне помог. Он пришёл в больницу, поговорил с твоими врачами, а потом улетел в Америку и вернулся с тем самым хирургом. Для меня это было настоящим чудом. Он оплатил операцию — огромную сумму — и не потребовал ничего взамен. Он сделал это для нас, хотя, по сути, мы ему никто. Ты пошла на поправку. А потом Лоурен неожиданно бросил пить, и вдруг предложил оформить над тобой опеку. Конечно, я отказалась. Я уже почти встала на ноги и продолжала бороться за наше новое будущее. К тому моменту я поняла, что мои чувства к Лоурену не просто благодарность и привязанность. Хотя кто бы на моём месте не влюбился в своего героя, который снова и снова приходил на помощь? Он всегда был рядом, стоило мне только написать или по-

звонить. Он заботился о нас, как отец. Мчался по первому зову. Даже когда я говорила, что справлюсь сама, он всё равно был рядом. Следил за мной. За тобой тоже. Он изменился. Раньше Лоурен больше улыбался, шутил, был весёлым и живым. А потом, постепенно превратился в сдержанного, холодного мужчину. И всё равно, рядом с ним я чувствовала себя в безопасности. Даже когда он был далеко, я знала, что он никогда нас не оставит. Я так и не решилась рассказать ему о своих чувствах. Боялась разрушить то, что между нами было. Возможно, он сам всё понимал. Иногда мне казалось, что он нарочно пресекал каждую мою попытку признаться.

Как же мне знакомо это поведение! Лоурен и со мной поступал так же. Когда чувствовал, что я начинаю к нему привязываться, тут же отдалялся. Но, похоже, и отпустить не мог. Вот в чём разница. Меня он дьявольски ревновал, а Карину — никогда. Почему я не замечала этого раньше?! Их отношения казались мне чересчур близкими, как у влюблённых, которые никак не могут признаться друг другу. Но это было совсем не так! Если бы я была внимательнее и не закидывалась на собственной ревности, которую, кстати, тоже не замечала, то не пропустила эти знаки.

— А дальше? — спросила я тихо. Карина сделала паузу, чтобы набрать воздуха в лёгкие.

— Дальше?.. Дальше ничего. Ты ведь знаешь. Когда появился Петер, Лоурен стал реже со мной общаться. Он продолжал заботиться о нас, но это было уже не то, что раньше.

И в какой-то момент я поняла: та любовь, которую я себе выдумала — её нет. Хотя он мне безумно нравился. Но когда понимаешь, что никогда не получишь того, чего хочешь, приходит смирение. Я им восхищалась, но когда в моей жизни появился Петер, я вдруг поняла, что любовь — это не восхищение и не преклонение. Не то благоговение, которое я испытывала к Лоурену. Несомненно, он потакал всем моим капризам, как потакают детям, и я знаю, что была ему дорога. Мы прошли рука об руку кошмарные времена. Это нас очень сплотило. Но это не та любовь, которой хотелось бы мне. А вот с Петером всё вышло по-другому — легко и естественно. Взаимная симпатия переросла в притяжение, а потом в нечто большее. С ним у меня никогда не было чувства тяжести на сердце. С ним хорошо и спокойно. Я могу всецело на него положиться. И это так здорово, что я его встретила! До сих пор не верю своему счастью. Когда я выходила замуж, то сказала Лоурену, что желаю ему снова встретить человека, который заполнит пустоту в его душе. И тогда он ответил, что всё возможно. Я удивилась. Обычно он отмечал любые разговоры о чувствах и женщинах. Не могла даже предположить, что он запал на тебя. Но то, что он с тобой сделал... не могу простить... это ужасно. И ненавидеть его не получается. Я всё ещё чувствую, что в долгу перед ним. Он спас тебе жизнь. Зато ненавижу себя, потому что оставила тебя одну в столь сложное время. Я должна была забрать тебя с собой, должна была унять свою гордыню, должна была

вырвать тебя из его лап!

Я положила ладонь на руку сестры.

— Перестань. Тебе не нужно его ненавидеть, а себя тем более. Ты всё равно ничего не смогла бы изменить. Я тогда уже приняла твёрдое решение и не позволила бы тебе вмешаться. Со мной были Аннета и Натан. Да, Лоурен поступил плохо. Но ни я, ни кто бы то ни было не вправе винить тебя за привязанность к Лоурену. Он был с тобой рядом, когда все отвернулись. Я даже сейчас благодарна ему за это. Ничто не сотрёт то, что он сделал для нас, когда не стало мамы с папой. Ты растила меня в одиночку. Это подвиг! И я безумно рада, что Петер сумел сделать тебя счастливой. Ты заслуживаешь счастья, как никто другой. Давай с этого момента просто попытаемся оставить всё, что связывало нас с Лоуреном, позади. Он больше не часть нашей жизни, даже если есть вещи, что тянут нас назад. Спасибо, что поделилась со мной своими чувствами и воспоминаниями. Я узнала много нового, — так я говорила, но сама не верила в это. Лоурен был где-то далеко и даже так умудрялся отравлять наше настоящее. Он словно яд, пропитавший нас насквозь. Невидимый. Неистребимый.

Я вздохнула тяжело. На мои плечи будто сел великан.

— Прости, я устала. Пойду к себе и посплю немного. Разбуди, когда придёт Петер, я поужинаю с вами.

Я поднялась со стула и поплелась к двери.

— Лина, — окликнула меня Карина, — скажи, чем я могу

облегчить твои терзания, я всё сделаю!

— Со мной всё отлично! Я же сказала. Просто будь счастлива, сестра. Это для меня самая большая награда!

Карина всхлипнула, и у неё из глаз снова потекли горячие слёзы.

— Спасибо, что выслушала меня! Спасибо за твоё понимание! Я очень тебя люблю!

— Я тоже тебя очень люблю! Это мне нужно говорить спасибо! Благодаря тебе у меня было очень счастливое детство даже без родителей. Нет никого на свете, кто был бы мне дороже тебя!

Коротко кивнув и улыбнувшись уголком губ, я оставила Карину одну и закрылась в своей комнате.

Что это со мной... Что за чувство... Вина? За то, что так долго не говорила с Кариной по душам? За то, что заставила нас обеих мучиться в одиночестве? Или это злость на себя — за наивность и за слепую веру? Мне было больно. И я не могла точно понять, что причиняло эту боль. Но какое теперь это имеет значение...

Луорен оболгал меня с ног до головы, и что? Он не рассказал, что когда-то любил другую. После всего, что он наговорил мне тогда, — это вообще пустяк. Тем более спустя столько лет. Мы всё равно больше никогда не увидимся.

Моё любопытство и моя наивность однажды меня уже погубили. Но я выбралась из этого топкого болота. Я уже не подросток, но всё равно не могу одолеть эту маленькую, пуг-

ливую девочку внутри себя. Её присутствие делает меня уязвимой. Если буду скрывать свою ранимость, никто не сможет подойти слишком близко. Никто не сможет снова меня сломать. Но найду ли я тогда счастье? То, что не поддаётся контролю невозможно подчинить. А смириться с неизбежностью страшно...

Погрузившись в размышления, я незаметно уснула. Во сне на мою грудь легла непереносимая тяжесть. В ярком свете я увидела себя маленькую, лежащую без сознания на больничной кровати. Я была подключена к системам жизнеобеспечения. Они гудели, шипели, издавали глухие плачущие звуки. Моё лицо, шея и руки были покрыты синяками. На лбу обширная гематома. Один глаз заплыл полностью.

Я почувствовала панику, и мне захотелось убежать, но не вышло. Меня приковало к месту. В помещение вошёл врач. Его сопровождал мужчина.

— Прошу вас, только недолго. Её состояние нестабильно. Ей нужен покой, — сказал он.

— Хорошо. Я понял. Спасибо, — отозвался посетитель. Врач вышел, а высокий элегантный брюнет подошёл ближе и сел на стул возле моей кровати. Моё сердце замерло. Он устремил свой пронзительный зелёный взгляд на моё истерзанное после аварии хрупкое детское тело.

Молодой Лоурен...он был прекрасен, как принц. Боже, где-то глубоко в моей памяти всё ещё хранились черты его прекрасного лица: ровные скулы, чёткая линия подбородка,

строгие губы. Но между бровей не было тех морщинок, которые я разглядела со временем. Они становились глубже, когда он злился. Его хмурость подавляла собеседника. Он часто наводил страх, когда терял терпение. Но этот Лоурен был другим. Он ещё не научился прятать чувства за стеной сарказма и холодного презрения. В его глазах читалась усталость и тоска.

Наверное, это всё рассказ Карины всколыхнул моё подсознание. Я увидела его её глазами.

Лоурен долго сидел молча, а потом произнёс:

— Ну что, надоеда. Хочешь жить, да? Так отчаянно цепляешься за неё, хотя почти всё потеряла. Врач сказал, что ты уже должна была умереть, но ты не хочешь и продолжаешь сражаться. Ты хоть представляешь, как будет трудно, если останешься тут, в этом мире? Уйти к родителям намного легче.

Аппарат ИВЛ размеренно шипел, а я всё так же лежала перед ним, не в силах ответить. Он был прав. Так было бы легче. Но я не хотела умирать. Я не знала почему, но что-то внутри велело мне продолжать жить и бороться.

Лорун наклонился и осторожно убрал тонкую прядку волос с моего лба и усмехнулся.

— Странно. Ты такая маленькая, но я никак не могу избавиться от мысли, что мы с тобой похожи. Я тоже как дурак держусь за эту паршивую жизнь и у меня не хватает смелости покончить с ней. Твои папа с мамой всегда утверждали,

что я сильный, но на самом деле я ничтожество и трус. У меня ничего нет, только Карина. Впрочем, как и у тебя. Ты очень нужна ей. Поэтому не прекращай борьбу! Пожалуйста, продержись ещё немного! Скоро я привезу человека, который тебе поможет, и ты выздоровеешь. Возвращайся к нам. Жизнь трудная, но пока у нас обоих есть цель, а у нас она есть, мы справимся.

Лоурен бережно взял мою маленькую, хрупкую ручку в свою большую ладонь и сжал её.

В этот момент невидимая сила вышвырнула меня из сна и я, задыхаясь, подскочила на кровати. Схватившись за горло, я пыталась отдышаться. Мой пульс зашкаливал. Слишком много стресса и усталости накопилось за последнее время. Это всё выплёскивалось в снах.

А вдруг это был не сон, а воспоминание? Я простонала и поползла в ванну умываться. Иногда мне снились кошмары из прошлого, но этот я увидела впервые. Он был слишком реальный и слишком тревожный! Как же мне это надоело!

Когда я вышла из ванной, в дверь постучал Петер и позвал к ужину. За столом я отвлеклась, смятение постепенно улеглось. Но странный осадок остался. Позже, когда я лежала в кровати, мне было страшно снова закрыть глаза. Я молилась про себя, чтобы образ Лоурена наконец исчез из моей головы и больше никогда не возвращался.

Глава 3

На следующий день моя решимость принять предложение госпожи Зоммер ничуть не ослабла, а наоборот только укрепилась. Я отработала свою смену в отделении и поговорила с заведующим. Он был явно не в восторге от перспективы моего ухода и сделал встречное предложение: повышение зарплаты и с начала следующего года место в хирургическом отделении, где я могла бы набрать недостающие часы практики, чтобы сдать профилирующий экзамен.

Я не ожидала такого великодушия. Но, если честно, хирургия — это совсем не моё. Хотя зарплата была весомым аргументом. В Берлине мне предлагали меньше. Но решение я уже приняла и не собиралась сворачивать с намеченного пути из-за меркантильных соображений.

Доработав до конца месяца, я собрала свои скромные пожитки, уложила их в чемодан и, не устраивая прощаний, отправилась в аэропорт. Карине я не сказала, в какой день улетаю. Мне и так было тяжело на душе, а её заплаканное лицо точно заставило бы и меня расплакаться прямо посреди терминала. Я хотела уберечь и себя, и окружающих от излишне драматичных сцен. Она, скорее всего, рассердится, но быстро остынет. В конце концов, я ведь не уезжаю навсегда, и буду регулярно навещать её. Остаться в Берлине насовсем я не планирую. Закончу учёбу и вернусь в Вену, чтобы быть

рядом с сестрой. К тому времени, может, у них с Петером уже появится малыш. Я стану не только детским врачом, но и счастливой, заботливой тётушкой. Такое светлое будущее однозначно притягивает. Возможно, и у меня однажды возникнет желание устроить личную жизнь. Кто знает — вдруг повезёт, и я встречу того самого. Я всегда мечтала о спокойной, нормальной, тихой жизни. Так уж вышло, что Лоурен перевернул мою судьбу с ног на голову. Но ведь не все такие, как он. Познакомлюсь с порядочным человеком, и построю с ним отношения, как у всех нормальных людей.

Около стойки сдачи багажа меня поджидала госпожа Зомер. Я удивлённо покосилась на неё. Меня провожать было некому: Петер работал, Карине я не сообщила дату отъезда, а друзей в Вене у меня не было. Её появление стало полной неожиданностью. Она ведь очень занятый человек — тем удивительнее, что ради меня нашла время в своём плотном графике.

Заранее она не предупредила, что собирается прийти, но я всё равно обрадовалась её появлению. Всё-таки немного грустно уезжать, когда никто не машет тебе рукой на прощание.

— Что, решили убедиться, что я не струшу и правда сяду в самолёт? — пошутила я, подходя ближе и криво усмехаясь.

Она улыбнулась в ответ:

— Можно и так сказать. Я рада, что ты решилась на этот шаг, и я верю в твой успех. Ты ещё совсем молодая. Поверь

моему опыту, ты не пожалеешь об этом решении.

— Вы сейчас о профессиональной или о личной стороне?

— И о том, и о другом. Береги себя. Передавай привет профессору Вальтеру. Думаю, вы сработаетесь.

— Время покажет. Спасибо, обязательно передам!

Мы коротко обнялись.

— Позаботьтесь о Карине. Она стала ужасно сентиментальной.

Госпожа Зоммер тепло улыбнулась:

— Карина всегда была такой. Просто ты этого раньше не замечала. Не беспокойся, с ней всё будет в порядке. У неё есть Петер. А вот тебе предстоит настоящее испытание. Сконцентрируйся на себе и постарайся наладить свою жизнь. До скорой встречи! Если будут вопросы, звони в любое время!

— Хорошо. И ещё раз спасибо за всё! Особенно за то, что открыли мне глаза.

— Не за что! Я в тебя верю! Постарайся там. А, точно, чуть не забыла. Держи. Это из моей личной библиотеки. Тебе больше пригодится. Так сказать, прощальный подарок.

Госпожа Зоммер вынула из здоровенной сумки книгу и вручила её мне. Я сжала губы в тонкую линию. Справочник по детским болезням. Очень практично, но совсем не романтично. Так себе прощальный подарок. Учитель остаётся учителем до конца. Но всё равно это было немного трогательно. Госпожа Зоммер обращалась со своими книгами, как с ре-

ликвиями, и то, что она решила расстаться с одной из них ради меня, значило многое.

— Не благодари, — сказала госпожа Зоммер, прежде чем я успела хоть как-то отреагировать на её щедрость. Она хлопала меня по плечу и, не оборачиваясь, размеренным шагом направилась к выходу.

Я вздохнула, запихнула этот увесистый том в свою сумку (он еле туда влез), сдала чемодан и направилась на посадку. Никакой меланхолии или грусти из-за отъезда я не чувствовала. Меня здесь ничто не держало. У меня не было ничего по-настоящему своего. Даже странно... будто я провела последние пять лет во сне.

Уже сидя в самолёте и слушая гул турбин перед взлётом, я вдруг ощутила странное дежавю. Спустила столько времени я возвращалась туда, откуда когда-то сбежала. Только теперь моё израненное сердце наполняли не боль и отчаяние, а надежда. Наверное, это хороший знак. В этот раз у меня обязательно получится стать счастливой. Я слишком долго пряталась от людей в своём маленьком, изолированном мире. А ведь у меня есть к чему стремиться. Я готова к большим переменам — без сомнений!

После приземления в Берлине я взяла такси и поехала к своему новому жилищу. Всё внутри меня бурлило от нетерпения. Хотелось тут же ринуться в бой. Возможно, это просто прилив начальной решимости, и позже меня снова откинет назад. Может быть, я опять начну убегать от самой себя,

но сейчас я наслаждалась тем, что во мне наконец проснулось желание жить, бороться и двигаться вперёд.

Однокомнатная квартира, которую мне одолжила госпожа Зоммер, находилась на тихой улочке всего в десяти минутах ходьбы от больницы, где я должна была начать работать с понедельника. Впереди у меня были выходные. Я планировала немного обжиться, навестить Аннету и, наконец, спокойно обдумать свои дальнейшие шаги.

Моё новое маленькое царство оказалось неожиданно уютным. Квартира была полностью меблирована, с небольшой встроенной кухней. Кто-то явно хорошенько прибрался перед моим приездом. Одной заботой меньше. Не нужно убираться с дороги.

Бросив чемодан, я тут же побежала в ближайший супермаркет закупить продукты на первое время. Впервые в жизни меня ждала самостоятельная жизнь в гордом одиночестве. Сейчас это уже не пугало, как раньше, но всё равно было непривычно оставаться один на один с собой. К тому же за последние пять лет я почти совсем не касалась домашних дел. Первым моим порывом стало проверить, умею ли я то, что когда-то умела прежняя Лина. Я ведь всегда была хорошей хозяйкой и с удовольствием наводила уют.

В магазине я набрала полную корзину продуктов — столько, сколько смогла унести. Вернувшись домой, принялась печь печенье. К своему удивлению обнаружила, что рецепты до сих пор чётко хранятся в памяти, а руки всё ещё пре-

красно справляются с замесом теста. Я позволила себе быть прежней, и это оказалось не так страшно, как я ожидала. То, что раньше доставляло мне радость, продолжало радовать. Когда-то я готовила не только для Лоурена. Я делала это и для себя, и для Карины, и для друзей. Почему же я так яростно всё это отвергла? Да, воспоминания остались. Но они больше не ранили. Время сделало своё дело — притупило боль.

Я улыбнулась самой себе, когда закончила хлопоты на кухне. Вся в муке и тесте налила себе чай и сняла пробу со свежих печенек. Они получились изумительными! Упаковав часть выпечки в красивый пакетик, сразу положила его в сумку, чтобы не забыть.

Вечером позвонила Карина. Она только вернулась с работы и нашла мою записку на столе. Сестра долго возмущалась, сыпала упрёками, которые я не слушала. Как и ожидалось. Я почти не слушала её, потому что была уверена в своём решении и не испытывала никаких угрызений совести. Просто дала Карине выговориться. А потом она заплакала.

«Ну и кто из нас ещё маленький?» — подумала я, тяжело вздохнув. Я старалась утешить её как могла, подбирая самые тёплые слова, какие приходили в голову. Постепенно она немного успокоилась. Ей, как и мне, нужно время, чтобы привыкнуть к переменам. В завершение разговора я перекинулась парой слов с Петером. По его голосу я поняла — он, как и госпожа Зоммер, гордился моей смелостью и ре-

шительностью. Я не боялась за Карину. У неё есть человек, который обязательно позаботится о ней. С лёгкой грустью и тоской я положила трубку.

Позже я разобрала чемодан, легла на диван и включила телевизор. В какой-то момент уснула прямо под звуки фильма, даже не постелив постель. Но это был один из самых крепких и спокойных снов за последние годы. Я давно так безмятежно не спала, как в эту первую ночь своего пребывания в Берлине после долгих лет!

Проснулась я рано утром. Приняла душ, оделась и первым делом отправилась покупать подарки для Аннеты и её детишек. Я уже представляла, каким будет выражение её лица, когда она увидит меня. Я ничего не сказала ей о своём возвращении. Хотелось сделать сюрприз. Теперь мы снова сможем часто видеться, и эта мысль грела сердце.

Невероятно, но наша дружба пережила целых пять лет отношений на расстоянии! Я знала — она будет радоваться моему возвращению, как никто другой.

Проехав пару остановок на метро, я вышла в центре. Не спеша брела по улицам, оглядываясь по сторонам. За эти годы почти ничего не изменилось. Но дышалось в родном городе всё равно иначе, чем в Вене. Всё казалось близким, знакомым, будто я никогда и не уезжала. Лёгкая меланхолия приятно щемила сердце.

Привычные здания и магазины всё так же стояли на своих местах, только я сама изменилась — превратилась из де-

вочки во взрослую девушку. И теперь мои глаза смотрели на жизнь совсем по-другому.

Накупив игрушек, я направилась дорогой, что вела через бывший университет. Снаружи всё осталось по-прежнему. Я замялась у ворот, размышляя, стоит ли заглянуть на кафедру и попытаться найти кого-нибудь из бывших преподавателей. Но в итоге отказалась от этой идеи. Вряд ли кто-то меня вспомнит. Я ведь проучилась здесь всего лишь год.

Неожиданно нахлынула грусть. Вспомнила о Натане. Это место всё ещё дышало им, а мне совсем не хотелось о нём думать. Хотя я и убеждала себя, что не имею права обижаться, в глубине души, наверное, всё же ждала объяснений. Он мог бы хотя бы сказать, что больше не хочет поддерживать общение. Перед моим отъездом Натан уверял, что мы будем регулярно созваниваться. Даже обещал навестить... Но — увы. Не знаю почему, но я до сих пор чувствую себя брошенной во второй раз, даже если между нами не было любви.

Расстроено вздохнув, я побрела дальше. Ноги сами привели меня к дому, где мы когда-то жили с Лоуреном. Я застыла. Конечно, он уже давно съехал, но вид этого места гипнотизировал. Здесь всё было пропитано воспоминаниями — и хорошими, и болезненными. Внутри меня боролось столько разных чувств. Почему, спустя столько лет, душа всё ещё ноет? Любви больше нет. Осталась пустота. И всё же перед глазами всплывали моменты нашего счастья: поцелуи, объятия, разговоры до рассвета.

Снова возникло то самое тягостное, теснящее желание сбежать. И я сбежала. Наверное, я ещё не готова к таким большим шагам. Но я знаю, что однажды смогу безразлично пройти мимо. Нужно лишь немного терпения. Когда я начну жить по-настоящему, всё, что связано с Лоуреном, окончательно потеряет власть надо мной и растворится.

Смирившись с реальностью, я побежала к остановке и поехала напрямик к Аннете. Наконец-то пришёл момент нашего воссоединения!

Аннета с Паулем и детьми жили отдельно от родителей. Оказалось, что семья Пауля довольно состоятельная, и они помогли с покупкой дома в том же районе, где жили мама и папа Аннеты. Её родители активно нянчились с детьми и всегда были готовы помочь. Бабушка и дедушка со стороны мужа почти не участвовали в воспитании внуков и откупались от них подарками. Но подавленной Аннета не выглядела. Она с ними особенно не ладила. «Минимум общения — максимум спокойствия», — так она говорила.

Я позвонила в дверь, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Моё сердце стучало от радости. Последний раз мы виделись четыре с половиной года назад. Конечно, в эпоху интернета у нас было множество способов поддерживать связь, но ничто не сравнится с настоящей, живой встречей.

Сначала послышался плач младенца, потом торопливые шаги.

— Кто там в такую рань? — пробурчала Аннета, открывая

дверь.

Я застыла на пороге. Аннета так изменилась — стала такой взрослой! Мы каждую неделю разговаривали по Скайпу, но сейчас она казалась совсем другой. Светлые волосы торчали в разные стороны, а помятая домашняя одежда сидела на ней как-то совсем нелепо. А ведь раньше Аннета даже по дому ходила в платьицах по последнему писку моды, с идеальной укладкой и безупречным макияжем. Эта перемена бросалась в глаза. Её фигура и лицо потеряли девчачью невинность, но обрели восхитительные женственные черты.

На руках у Аннеты была кричащая малышка.

— Лина! — прохрипела подруга чужим голосом.

Я, наконец, очнулась и подпрыгнула к ней.

— Держи ребёнка, дурная, а то уронишь!

Моё неожиданное появление сразило Аннету наповал. Она смотрела на меня, как на привидение, с открытым ртом. Даже Кати, которую она держала на руках, будто уловила мамину реакцию, и вдруг резко замолчала.

— Что ты тут делаешь?! — заверещала Аннета, когда до неё дошло, что я и вправду стою перед ней.

Я натянула неловкую улыбку:

— Ну... кажется, я вернулась!

После этих слов получила неслабую затрещину, и только потом мне позволили войти в дом. Потирая затылок, я поплелась за Аннетой в гостиную. Вся комната была усыпана игрушками, пелёнками и распашонками.

Кевин, четырёхлетний сын Аннеты, несмотря на то, что ни разу не видел меня вживую, тут же бросился меня обнимать, а потом не хотел слезать с моих колен. Все мамины уговоры и угрозы не работали. Он встретил меня теплее, чем подруга.

Кевин тут же разобрал все пакеты с подарками, но почему-то мои печенья понравились ему больше всего. Я уже пожалела, что испекла их так мало, особенно когда заметила, с какой тоской в глазах Аннета смотрела на то, как последняя печенька исчезает во рту её сынишки. Эти печенья всегда были её любимыми. В этот момент она вдруг напомнила мне о прежних временах. Некоторые вещи никогда не меняются. Её любовь к сладкому точно.

Я ухмыльнулась себе под нос и вытерла салфеткой ротик Кевина.

— Ну и когда ты решилась приехать? Почему ничего не сказала? — начала Аннета расспрос.

— На самом деле, совсем недавно. Прости, мне хотелось тебя удивить.

— Ну спасибо! Удивила! — фыркнула она. — Мои нервишки уже не такие крепкие, как раньше. Надо предупредить! И надолго ты в наши края? Что заставило тебя так резко изменить настрой? — продолжила она допрос с прищуром. Её сухость меня немного задела. Я ожидала иного приёма.

— Такое ощущение, что ты мне совсем не рада... — про-

бормотала я, надув губы. Катя на её руках снова раскапризничалась, и Аннета начала ходить по комнате, покачивая малышку, чтобы успокоить.

— Рада, — бросила она через плечо, — но, зная тебя, не верю, что всё это просто так. Пять лет ты не могла собраться в Берлин даже на пару дней, несмотря на все мои уговоры. А тут бац — и ты на пороге. Подозрительно!

Я тяжело вздохнула. Аннета осталась прежней. Она всегда видела меня насквозь.

— Я приехала, чтобы закончить учёбу. Начинаю ординатуру в «Шарите», в педиатрии. Но дело даже не в этом. Я просто поняла, что пора взглянуть страхам в лицо и раз и навсегда покончить с прошлым.

Бровь Аннеты выразительно поползла вверх.

— Ты уверена, что правильно делаешь, вернувшись вот так надолго? Может, стоило начать с чего-то попроще? Например, пожила бы у меня пару дней, а потом уже принимала решения. Ты, как всегда, действуешь сгоряча, ничего толком не обдумав.

— Я обдумала всё много раз! Так что не обвиняй меня в легкомыслии, — возмутилась я нахмурившись. — У меня всё получится!

— Павучится! — повторил Кевин серьёзно, глядя на маму и дёргая меня за длинную прядь волос. — Тётя Лина теперь будет жить с нами!

Я засмеялась и погладила мальчика по голове. Такой ми-

лашка!

— Нет, я не буду жить с вами, но смогу часто приходить в гости.

Кевин надулся, но потом посмотрел на меня исподлобья.

— А печеньки принесёшь?

— Конечно принесу! — весело ответила я и снова потрепала его светлую шевелюру.

— Ага, как же! Размечтался! Один всё слопал и даже не поделился! К жадинам в гости никто ходить не любит! — пожурила его Аннета в шутку. Он бросил на неё серьёзный взгляд:

— Я не специально! Они были сильно вкусные!

Я снова залилась смехом.

— Аннета, вы даже во вкусах похожи! Яблоко от яблони...

Моя подруга нежно улыбнулась:

— Ага. И к тебе липнет, как я раньше, — подметила она.

— Помнишь школьные годы?

Мы тепло переглянулись. Были времена! Но и сейчас в нашем уютном мире весело и надёжно.

— Ну а кто тебя надоумил податься в педиатрию? Ты же, вроде, работала в неотложке? — сменила тему Аннета, чтобы разогнать нахлынувшую меланхолию.

— Моя научная руководительница из университета решила, что педиатрия мне подойдёт больше. Она умеет убеждать.

— В этом есть логика, — сказала она, подмигнув и ука-

зав на Кевина, который увлечённо играл с новой машинкой, устроившись у меня на коленях.

— Надеюсь, — выдохнула я. Только время покажет, го- жусь ли я в детские врачи.

После плотного обеда в дружной компании Аннета уло- жила детей спать. Мы вместе прибрались, а потом сели пить чай на кухне. Беседа продолжилась, но моя подруга казалась рассеянной и тише обычного. Я заметила, что её что-то тре- вожит, но она никак не решалась начать разговор.

— Аннета, ты в порядке? — прервала я наконец затянув- шееся молчание. — Всё ещё сердиться, что я не предупре- дила тебя о приезде?

Она встрепенулась, будто вышла из глубоких раздумий, и резко замотала головой:

— Нет-нет! Не в этом дело. Просто... — она устало вздох- нула. — Честно говоря... лучше бы ты осталась в Австрии. Не пойми неправильно! Я безумно рада, что ты снова рядом, но...

— Но? — спросила я с нажимом, когда Аннета замялась, не договаривая фразу. Она поёжилась.

— Ты уже слышала о Лоурене? — выпалила она на одном дыхании и сразу посмотрела на меня с тревогой, явно опа- саясь моей реакции.

Обычно я тщательно избегала любых разговоров о нём. Моё настроение моментально портилось, и я замыкалась в себе. Но теперь всё было по-другому. Или, по крайней мере,

я решила, что должно быть по-другому. Однако, несмотря на это, само звучание его имени вдруг кольнуло в грудь, будто невидимой булавкой. После разговора с Кариной я уже не знала, чего ожидать. Мне определённо не нужна ещё одна порция неожиданных откровений. Я постаралась не подавать вида, что задета.

— Нет. Ты же знаешь, я не читаю журналы и не слежу за шоу-бизнесом. А что тебя так беспокоит?

— Ну-у-у... — замялась она. — Как бы сказать... В общем, ничего такого, просто... Лоурен тоже вернулся в Берлин. Примерно год назад.

Я вздрогнула, не успев сдержать инстинктивную реакцию. Это артиллерия посильнее, чем простое упоминание имени.

— И что? — спокойно ответила я. — Берлин — многомиллионный город. Вероятность того, что мы случайно встретимся, практически равна нулю. Мы вращаемся в абсолютно разных кругах. К тому же, какая разница? Даже если вдруг пересечёмся — это же не армагеддон. Пять лет прошло. Он, возможно, уже и в лицо меня не узнает. Я не закачу истерику и не сброшусь в реку от отчаяния, так что не строй из этого событие.

Аннета внимательно вглядывалась в меня, сканируя мельчайшие изменения в мимике. Видимо решив, что моя психика после этой новости выдержит и парочку других сюрпризов, она меня добила:

— Он развёлся несколько месяцев назад.

Повисло молчание. Чашка в моей руке дрогнула, и я подхватила её второй рукой.

Почему моё тело так предательски реагирует? Я ведь больше не имею никакого отношения к его жизни и утратила с ним всякий контакт. Какого чёрта моё сердце так больно сжимается в груди, и почему я ощущаю чувство облегчения и чёрной радости? Я ликую, потому что его брак развалился и он несчастлив? Пусть страдает! Он заслужил! Где-то в глубине души во мне по-прежнему бушевал гнев. Но однажды он угаснет, и мне действительно станет всё равно.

— Мне нет дела до Лоурена. Я здесь, чтобы работать и учиться. Мои воспоминания больше не управляют мной.

У меня есть цель. Я иду к ней, и такая мелочь не собьёт меня с пути.

Аннета откинулась на спинку стула и с облегчением выдохнула:

— Тогда ладно. Давно пора. Я уже заждалась, когда ты снова заговоришь здраво. Теперь я узнаю прежнюю Лину. Ты можешь рассчитывать на меня, если станет тяжело. Сбросить оковы, в которые тебя заковал Гроссмайер, задача не из простых. Он далеко не самый обыкновенный мужчина, поэтому понимаю твои чувства.

Аннета много обо мне знает. Я на мгновение задумалась, стоит ли рассказать ей о разговоре с Кариной. Но передумала. Это ни к чему. Только зря разбережу старые раны.

— Не оправдывай мою слабость. Я сама виновата, что так

долго не могла его отпустить.

Мы обе замялись от неловкости.

— А Натан? — спросила я, неожиданно даже для себя. — Ты что-нибудь о нём слышала?

Аннета пожала плечами:

— Я с ним не общаюсь. Но, насколько знаю, у него всё хорошо. Он открыл свою адвокатскую контору, занимается уголовными делами. По крайней мере, так пишут в прессе. А ещё вот...

Она потянулась к стопке глянцевого журналов на столике, раскрыла несколько, отыскала нужные страницы и протянула их мне. Там был Натан во весь рост, в элегантных костюмах, с серьёзным, но до жути сексапильным выражением лица. Он ещё больше похорошел и возмужал. Всё тот же Натан, но теперь он казался далеким, почти недосыгаемым. Я сглотнула внезапно подкативший к горлу ком.

— Он не потерял популярность, — добавила Аннета. — Похоже, его адвокатская карьера пошла в гору, и нужные люди это заметили. Теперь он ещё и модель. Лицо десятка брендов. У тебя прям талант влюблять в себя звёздных мужиков! Оба бывших знаменитости, бизнесмены и любимчики женщин.

Я посмотрела на неё с кислой миной.

— Натан не мой "бывший". Он был другом, только и всего.

Аннета прищурилась и бросила на меня выразительный

взгляд.

— Всего-то другом? Кого ты пытаешься надуть, Лина? Я, может, и не знаю всех деталей, но после твоей выписки ты вдруг стала отдаляться от него. Смею предположить, он тебе всё-таки признался, а ты его отшила.

Я молчала.

— Натан был влюблён в тебя с самого начала. Эти его "дружеские чувства" — ну не смехи. Ты, может, и думала, что он рядом, как друг, только он рассчитывал на большее. Вот и ушёл в итоге. А ты хотела, чтобы он вечно ждать тебя, как верный пёс. Прости, но ты эгоистка, Лина.

Аннета поймала меня с поличным. Я никому не рассказывала о признании Натана: ни о неожиданном поцелуе, ни о том, как мучилась после. И Натан никому не проговорился. Но Аннета слишком проницательная. И в чём-то она права. Я сама виновата. Потеряла его из-за собственной нерешительности. Но обвинять меня за то, что я не смогла ответить взаимностью — это несправедливо.

Я почувствовала, как заливаюсь краской, и отвернулась, тем самым сразу себя выдав.

— Думаешь, легко дать надежду дорогому человеку, зная, что не можешь её оправдать? Я не хотела ещё сильнее его ранить.

— И поэтому просто отказалась от него совсем? Стало легче? Совсем не жалеешь о своём решении? Тогда почему ты до сих пор думаешь о нём? Пять лет прошло! Для "просто

друга" — это чересчур долгий след. Вы были рядом всего-то год, — не унималась она, и, похоже, уже перестала щадить мою ранимую натуру.

— А что я могла?! — вдруг сорвалась я. — Я не хотела его терять! Но притворяться, что люблю... Кто бы я тогда была после этого?! Лгунья? Предательница?

Аннета тяжело вздохнула и покачала головой:

— Ты всегда всё слишком усложняешь. Думаю, он прекрасно понимал, что ты не сможешь разлюбить Лоурена вот так по щелчку. Но он был готов рискнуть. Даже если бы у вас ничего не вышло, он бы не стал тебя винить. Зато вы хотя бы попытались бы. А теперь остались только сожаления.

Ну что тут скажешь... Я гнала от себя эти мысли. Притупляла, делала вид, что всё уже неважно. Если бы я только знала, что Натан вот так резко оборвёт всё и вообще исчезнет, я бы сделала шаг ему навстречу. Когда он стал холоден и больше не отвечал на мои звонки, моё сердце рвалось на куски. И если бы он тогда просто перезвонил — хоть один раз! — я бы, возможно, сама предложила ему встречаться. Но он не перезвонил. Ни разу. Он не стал добиваться меня снова. Хотя, может, именно этого я и ждала, что он не сдастся. Но теперь уже поздно. Ничего не изменить. Я потеряла и любовь, и дружбу. Так умею только я.

Заметив подступившие к моим глазам слёзы, Аннета тактично ретировалась:

— Прости, не стоило поднимать эту тему. Просто, начини

всё сначала, Лина. Мы все ошибаемся. Главное, больше не оглядывайся назад. Просто иди вперёд.

Она встала и обняла меня со спины.

— Как же я рада, что ты снова рядом! Теперь всё будет хорошо. Вот увидишь.

Вечером с работы вернулся Пауль, и я собралась уходить. Не хотела мешать их семейному вечеру, хотя он предлагал остаться подольше. Кевин хныкал, провожая меня. Ему не хотелось, чтобы я уходила. Я пообещала, что скоро снова приду и обязательно принесу много вкусного печенья. Он тут же повеселел и помчался обратно играть.

На улице было уже темно, фонари мягко освещали дорогу. Я закуталась в шерстяную кофту. Сентябрьские вечера стали заметно прохладнее. Всё вокруг было тихо, дышало спокойствием и умиротворением. Хороший район: уютный, зелёный и чистый.

Я пошла к остановке пешком, хотя изначально собиралась взять такси. Мне было грустно. Наверное, я немножко завидовала подруге. За те пять лет, пока я купалась в своём горе, она успела сделать так много: у неё семья, дети и она заочно заканчивает институт. А я... просто я. Хотя, возможно, отношения — это действительно не моё. Слишком сложно.

Аннета с Паулем вместе ещё со школы. Сколько раз они ссорились! Я и подумать не могла, что у них всё получится. Но

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.